

© 1993 г

А.В. ХУДЕНКО

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ЛАБИРИНТЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

ХУДЕНКО Андрей Владимирович — аспирант философского факультета Одесского государственного университета им. ИМ. Мечникова. В нашем журнале публикуется впервые.

«Вопрос обыденности человеческого существования есть главный вопрос новейшей истории. Надежность нравственности, духовная наполненность человека определяется его обыденной жизнью».

С. Беллоу. «Герцог»

В последнее время социологи все чаще обращаются к исследованию обыденной жизни людей, повседневности. Актуальность подобного рода исследований объясняется, с одной стороны, общими методологическими проблемами: спецификой социологических данных, когда в качестве эмпирического материала выступает оценка тех или иных явлений «человеком с улицы»; выбор стратегии интерпретации, который вытекает не только из рассуждений теоретического характера и Логике научного анализа, но также из собственного житейского опыта, здравого смысла исследователя, с другой стороны, — прикладными целями нашей науки. Рекомендации социолога, а главное, политические доктрины и связанные с ними программы переустройства общества бесперспективны и обречены на провал, если остается без внимания богатейший повседневный опыт людей, многократно апробированный здравый смысл.

Интерес к повседневному

Повседневность является предметом целого комплекса научных дисциплин: социологии, психологии, истории, теории литературы и, конечно, же, философии. Эта тема часто доминирует в философских трактатах¹ и исследованиях, авторы которых обращаются к определенным аспектам жизни, истории, культуры и политики; при этом оценка повседневной истории может быть неоднозначной. Важно, что в их трудах субъективное переживание противопоставляется объективным структурам и процессам, типичные или массовые практические действия — индивидуальным действиям, длительные ритмы — однократным событиям, подвижные формы рациональности — идеальным конструкциям и точным методам.

Импульс к подобного рода противопоставлениям дают различные направления философской и социологической мысли. Отметим факт проникновения феноменологии Э. Гуссерля и социологии М. Вебера в работы А. Шутца, формирование этнометодологии Г. Гарфинкеля, в которой соединились положения американского прагматика У. Джеймса с идеями интеракционизма Дж. Г. Мида². Большинство социологов феноменологической ориентации занимаются изучением повседневности [3]. В традиции лингвистического анализа Л. Витгенштейн обратился к обыденному языку, вернув ему самостоятельное значение [4]. Во французском структурализме исследования Р. Барта по мифологии обыденной жизни, с нашей точки зрения, представляют определенный интерес [5]. Фундаментальная монография Ф. Броделя существенно способствовала разработке этой

проблемы. Не осталась без внимания данная тема и в исследованиях советских ученых. Наиболее значительными, на наш взгляд, являются работы М.М. Бахтина, Б.Ф. Поршнева, М.А. Барга [7—12].

Как видим, самые разнообразные исследования объединяются вокруг проблемы обыденной жизни, на основании чего можно говорить о глубинном интересе к повседневности. Однако в этой ситуации следует соблюдать осторожность, так как понятия, часто привлекающие к себе внимание исследователей, способны приобретать неконтролируемую многозначность и терять собственное содержание.

Анализируя исследования, посвященные данной проблеме (главным образом, феноменологически ориентированные), можно выделить два плана использования понятия «повседневность» как термина, обладающего определенной функциональной нагрузкой.

Первый план значений связан с направленностью внимания на «содержательные» обстоятельства совместной жизни людей, их взаимодействия, которые осознаются ими как естественное состояние, как собственная, частная сфера жизни, сфера будней «человека с улицы».

Второй план значений относится к методической «самоорганизации» реальности, способов и процедур, с помощью которых осмысливается и демонстрируется поведение, объясняется себе и другим, выражается в приемлемых для всех формах. Иными словами, это аспекты общительности и «общежителности» повседневной жизни, в которых зафиксированы обязательные символические способы понимания себя и другого. Эти неофициальные знаки и способы, средства отношения и взаимодействия, складывающиеся как бы спонтанно, непосредственно в ситуациях повторяющихся изо дня в день контактов, признаются «своими» в отличие от внешних, объективированных, институциональных форм и правил взаимодействия, не зависящих от воли индивида, воспринимаемых им как «другое», «этикетное» или «церемониальное». Различия «своих» и «чужих» входят в символический код и нормы поведения и обязательны для всякого, поскольку подкрепляются соответствующими санкциями и ярлыками (например, «чужак», «ненормальный» и т.п.). Как таковая, категория «повседневность» выступает в подобных ситуациях в функции структуры групповой идентичности, содержащей специфическую оценку образов других групп, интенциональную структуру социального дистанцирования и самоконсолидации, выражаемой, однако, не путем эксплицирования собственных символов, а опосредованно — через «когнитивную технику»³. В этом случае «повседневность» превращается в универсальную, внеисторическую категорию, отражающую неизменную сущность любых человеческих обществ.

Также не следует представлять «повседневность» в качестве автономной сферы, отделенной от общества. В противном случае она может служить названием разнородных явлений и предлагаться как спасательный круг для решения целого ряда проблем.

С учетом этих замечаний сформулируем положение, которое не допускает преувеличенного значения обыденной жизни и не возводит «повседневность» в универсальное понятие: *обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в процессе «оповседневнивания», которому противостоит процесс «преодоления повседневности».*

Обыденную жизнь, функцию теории обыденной жизни и определенных практических действий можно описать различными способами (например, исходя из субъекта, из объективно существующего мира тел, из социальных отношений, из процесса языкового общения). Исходная точка нашего анализа — специфика рациональности обыденной жизни. Рациональность здесь используется в широком смысле слова, как то, что воплощается в смысловые, регулярно повторяющиеся в определенное время и в определенной сфере рассудочные взаимосвязи. Эта многовариантность приводит к тому, что бесконечному количеству форм иррациональности противостоит не одна всеохватывающая форма рациональности, а ее специфические, изменяющиеся формы. Столь широкому и изменчивому понятию как «рациональность» соответствуют рассуждения о «логике» чувств и красок о порядке вещей или о многообразии действительности⁴. Существует рациональность, которая коренится в опыте, воплощается в действия и речь, а не проистекает лишь из рационального расчета, подчиненного цели. В рамках нашей темы ориентация на проблематику рациональности и порядка не означает только изменения места, при котором разум истории или общества был бы перенесен в обыденную жизнь.

Такому пониманию рациональности соответствует превращение области повседневной жизни в лабиринт, который не спланирован какой-либо центральной инстанцией и не создан по какому-либо образцу. Исследование повседневности, которое не участвует в такого рода «блуждании по лабиринту», вскоре застревает в наборе географических и исторических находок⁵.

Повседневность versus...

Повседневное — это привычное, упорядоченное, близкое. Противоположность повседневному — неповседневное, т.е. непривычное, существующее вне обычного порядка, далекое, специфичное. Исходя из этого, мы противопоставляем повседневное: 1) неповседневному, необычному, 2) универсальному, абсолютному, 3) экспертным оценкам.

(1) Что такое повседневная жизнь пчелы? Она жестко фиксирована инстинктом и генетической программой, определяющими ее поведение и восприятие в окружающем мире.

Человек не «фиксирован» и, в соответствии со своей природой, должен изобретать намеченный лишь весьма приблизительно порядок, создавать свой мир. В процессе привыкания и освоения его навыки преобразуются в знания и умения, которые многократно воспроизводятся и воплощаются в материальных предметах. Это касается питания, одежды, продолжения рода, расположения жилища, распределения времени и т.п. — всего того"; что принадлежит миру, близкому и знакомому для человека, миру, в котором он может свободно ориентироваться. Необычное возникает, когда все, что встречается в опыте, не вписывается в привычный нам мир. На границах хорошо знакомого человека подстерегает неизвестное и неожиданное, маня и пугая одновременно. Части неизвестного представляют собой тонкое соединение внезапного и могущественного. В первую очередь это относится к моментам возникновения, преобразования, опасности уничтожения индивидуального или коллективного жизненного порядка.

Человек как «нефиксированное» живое существо обретается не только в «порядке» обычного, а как бы на пороге между обычным и необычным, которые соотносятся друг с другом как передний и задний планы, как лицевая и оборотная стороны. Обыденная жизнь имеет свои будни и свои праздники.

(2). Будучи ограниченным, замкнутым в себе самом, повседневное противопоставлено истинной жизни и истинному миру, жизни и миру, где все партикулярное медленно размывается и устанавливается господство абсолюта, который интегрирует конкретные общественные отношения. В таком противопоставлении отношение дополнительности, которым были связаны обычное и необычное, переходит в отношение иного рода — иерархическое, которое разделяет две сферы реальности. Это приводит к тому, что повседневное обесценивается. «"Доха" — это стихийное, обыденное мнение; более того, это "естественное мнение". Философия обязана отмежеваться от него, идти дальше, или спуститься ниже, чтобы найти другое мнение, другое доха, более надежное, чем мнение стихийное» [15].

Платон в «Теэтете» рассказал, как молодая служанка посмеялась над философом Фалесом, который, засмотревшись на небесные светила, упал в колодезь. Однако насмешки девушки не остановили развитие культуры. Свободные искусства, достойные свободного гражданина, возвышаются над невежественными, рабскими действиями, и этот иерархический порядок изменяется лишь в редких случаях¹ — во время карнавалов. Благодаря образованию постепенно формируется более широкий взгляд на мир и тем самым обесценивается все то, что имеет место в закоулках и подвалах обыденной жизни.

С началом Нового времени «отход» от повседневного приобретает новые формы. Предшествующий порядок уступает место порядку, который позволяет творить — ценностный мир «опрокидывается» с вертикальных на горизонтальные координаты⁶: целевой момент из прошлого или выросшей из него установки на вечное, абсолютное переносится в будущее, в процессе роста формируется противоположность статическим ценностям прошлого. В подобном случае истинное сознание — то, которое может быть лишь в конце пути («чудо рациональности» Э. Гуссерля или коммунизм К. Маркса — явления одного порядка). Если такое «чудо» достигается собственными усилиями человека, то алтарь, сооружаемый «верховному существу», служит самопочитанию в

«религии человека», очарование которой, однако, длится недолго. Универсальное, абсолютно истинное растекается в обыденном, теряет свои магическо-волшебные качества. В данном случае оно выступает уже как разрушитель общественного порядка. Дифференциация, сопровождающая дезинтегративные процессы, является основой формирования нового «универсального». Следует отметить, что, с формальной точки зрения, «разволшебствовать» универсальное до конца в принципе невозможно. В повседневном рождается универсальное, абсолютное и им же низвергается, а последнее дополняет и противостоит обыденному как его неперемный атрибут.

(3) Тенденция к обесцениванию повседневности усилится, когда мы рассмотрим третье противопоставление. Повседневность определяется как смутное, дилетантское, импровизированное, в отличие от стандарта точного, методичного, экспериментально проверяемого и повторно воспроизводимого. Теперь «человеку с улицы» противостоит специалист в узкой предметной области — эксперт. Хотя уже в античности были определены предпосылки такого противопоставления, все же оно является результатом современного развития. Мы имеем в виду процесс рационализации (по Веберу), который приводит к образованию дифференциальных формальных правил. Эксперт — это в первую очередь прямой наследник философа, ученый — эксперт знания. Есть эксперты в области права, экономики, искусства и т.д. Они имеют свои «сакральные места» — академии, институты, музеи. Эксперты вторгаются и подчиняют себе сферу политики, систему воспитания... Они оплетают сеть формальных предписаний возможности повседневности: бюрократия и технократия «колонируют» повседневность. Человек в технократическом обществе характеризуется величиной дохода, положением во властных структурах и подчиняется императивам экономической подсистемы. Повседневность, соответственно, представляет собой фон общих, разделяемых членами общества смыслов, куда обязательно включаются те структурные компоненты, которые делают возможным социальное воспроизводство. Действия «человека с улицы» опосредуются системой социальных отношений, которые индивид поддерживает в своей обыденной жизни.

Переоценка повседневности

Существует множество попыток различным образом вернуть повседневному его ценность. Эти усилия столь же древние, как и сама философия. Уже Аристотель признавал приоритет конкретного знания над общими правилами, противопоставляя практический опыт теоретическому. «Мне казалось, что в рассуждениях каждого о делах, непосредственно его касающихся, и притом таким образом, что ошибка может повлечь за собой для него наказание, я могу встретить гораздо больше истины, чем в бесполезных спекуляциях кабинетного ученого», — писал Рене Декарт [16].

Прежде чем перейти к этой проблеме, предостережем от «негативных» способов поиска ее решения, а затем рассмотрим повседневность как складывающуюся в процессе, «оповседневнивания», «преодоления повседневности», их объединения.

Негативные способы переоценки повседневности. Прежде всего отметим, что они ведут к простому возвышению обыденного посредством возвращения к прошлым формам.

Первый способ основывается на обычной перемене места, инверсии. Здесь надо учитывать противопоставление повседневной жизни универсальному образованию и воспитанию, или противопоставление повседневности специализированным знаниям, которые являются собственностью экспертов. Однако при этом акцентируется внимание на повседневности. На место духовной культуры общества и специализированных знаний экспертов приходят бульварная литература, уличный жаргон, возделывание грядок и все другие воплощения принципа «сделай сам». Ситуация, когда место Фалеса занимает служанка, кажется комичной. К тому же она основана на спонтанной иллюзии благоденствия в каком-нибудь погребке.

Возвращение к архаичным состояниям — второй способ, который ведет к возрождению ценности повседневного. Очарование, производимое прошлыми архаичными формами, возвышает повседневность, преодолевая тенденцию ее дискредитации. Однако происходит перерождение,

повседневности в суррогат архаики, что, в свою очередь, не позволяет древним формам жизни стать «конкурентоспособными», т.е. восприниматься современниками как безусловная ценность. Будет иллюзией, обращенной в прошлое, полагать, что можно совершить «волшебство» без сплошного обмана. Архаичное устройство мира и архаичные формы жизни слишком увлечены прелестной игрой с природой, чтобы стать альтернативой, способной вывести цивилизацию из кризиса.

Таким образом, решение проблемы, с нашей точки зрения, не в простом возрождении ценности, повседневного, достигаемой возвращением в прошлое, а в переоценке, которая требует одновременно переосмысления. Как уже отмечалось, изменчивые культурные порядки не могут ни объединяться в общий порядок, ни следовать какому-либо одному регулятивному основоположению. Повседневность, в смысле повседневных знаний, политики, права, приобретает значение изменчивой и варьируемой рациональности.

Повседневность как воплощенная рациональность. Рассматривая повседневность как процесс, в котором происходит формирование человека, отметим нисходящую направленность движения, то, что М. Вебер называл «оповседневниванием». Сюда относится процесс обживания, который принимает форму обучения, освоения традиций и закрепления норм. В этом процессе повседневность выступает как «сфера», где собираются и хранятся, если так можно сказать, смысловые осадки.

Для М. Вебера «оповседневнивание» — одно из центральных понятий в проблематике стабилизации кризиса, нововведения, возникновения нового религиозного течения, становления социального порядка и т.д., т.е. при обсуждении вопросов трансформации харизматического господства в традиционный или рационально-бюрократический порядок. Именно в ситуациях этого типа встает проблема «рутинизации» харизмы, синтеза новых смысловых оснований (учений, пророчеств, доктрин, индивидуального видения и миропонимания, новых смыслов мирового происходящего) со структурой интересов последователей лидера, с одной стороны, и аморфной, общей массой, в отношении с которой вступает группа последователей и чье признание она должна получить, — с другой. В отличие от харизматической группы, включающей лидера и его последователей, озабоченных лишь проблемами, связанными с доктринальными вопросами, и безразлично относящихся к повседневным вопросам материального обеспечения, хозяйственно-управленческим и т.п., подлежащим ежедневному решению, подданные принимают новые смысловые реальности только в той мере, в какой они в состоянии оформить будничную реальность своего ежедневного существования. Любые нововведения политического или экономического характера воспринимаются ими как враждебные, как покушение на устоявшееся, знакомое. Мудрость лидера заключается в способности изменять привычный порядок, не взрывая, не революционизируя повседневность. Его политическая программа, соответственно, должна основываться на знании обыденного, умении видеть и формировать необычное в обычном.

Повседневное, охватывая всю массу вопросов, которые связаны с хозяйственными, производительными, управленческими, правовыми обстоятельствами продолжительного социального взаимодействия, нельзя представлять как особую сферу социальной реальности. Повседневность есть форма существования общества.

«Оповседневнивание» в этом случае означает процесс освоения и воплощения того, что входит в «плоть» и «кровь» человека. Сюда относятся и такие, казалось бы, мелочи, как запоминание фразеологизмов, обращение с бытовыми приборами и многое, многое другое. Здесь в результате «оповседневнивания») знания и навыки приобретают надежность, которая никогда не станет полной с помощью искусственных методов. Это воплощение никоим образом не связано с применением правил или даже с механической дрессировкой, оно само есть вид опыта.

Обезличивание, которое происходит вместе с «оповседневниванием», означает лишь погружение в то, что не имеет ни имени, ни качества; «свое» и «чужое» переходят друг в друга, не требуя единства. Такое обезличивание можно называть постперсональным.

В конечном счете «оповседневнивание» затрагивает все сферы, включая науку, искусство, религию, философию. Об «оповседневнивании» философии в античный период Э. Гуссерль писал: «Это идеальное образование — *theoria* — незамедлительно воспринимается и перенимается путем обучения и поддержания. Даже посторонние, не философы, обращают внимание на необычные дела и стремления. В попытках понимания они либо сами превращаются в философов, либо,

если слишком связаны профессиональной деятельностью, — в посредников» [17]. В то же время, если «оповседневнивание» отделяется от обратного движения, о котором мы будем говорить ниже, то повседневность приобретает патологические черты — происходит остановка на определенном уровне развития.

Повседневность как поднимающаяся рациональность. Нисходящее движение «оповседневнивания» имеет свою противоположность в восходящем процессе «преодоления повседневности». Сюда относится появление необычного в творческом процессе; оно (необычное) прокладывает себе путь с помощью отклонений, отходов от правил и новых дефиниций. Повседневность существует как место образования смысла, открытия правил.

Когда новое и оригинальное более не улавливается интегративным общим порядком или регулятивным основополагающим принципом, оно принимает форму отклонения. Возникает зона, в которой повседневность преобразуется за счет медленного давления или внезапного прорыва нового, где реальное и призрачное, четко не отделяются одно от другого. Здесь также происходит обезличивание. В противоположность постперсональному это обезличивание — предперсональное. (Необычное, проявляясь в повседневности, существует только в возможности. Реализуется и развивается оно, лишь будучи подхваченным деятелем, личностью. Поэтому, говоря о творчестве, подчеркивается его личностный характер: новое, родившись в повседневном, живет в имени своего создателя. Если же появляется что-то необычное, чья новизна не допускает движения вперед с точки зрения устоявшегося порядка, то не «рождается» и сам деятель, носящий имя.)

Не картезианское «я мыслю», а «мы мыслим» открывает путь к пониманию культуры повседневности, которая получает стилистическое оформление в домах и промышленных сооружениях, бытовых привычках, элементарных орудиях труда, в социальных знаках власти. Критика, экспертиза, которая соответствующие нововведения слишком быстро представляет как чистую фикцию, как аутсайдерство и экстравагантность, должны помнить, что их собственные движения могут существовать только за счет преодоления повседневности.

Следует указать на некоторые процессы, в которых однозначное приобретает дополнительные оттенки, становится многозначным. Например, эвристическая сила метафор, которая противодействует языковому употреблению и формулирует новые отношения в необычных выражениях; воздействие шуток, смысл которой, на наш взгляд, в том, чтобы «перехитрить» партнера; игра, которая позволяет испытать силу преобразования смысла не только в искусственном изготовлении игрушки, но и в жидком игровом действии; а также известное дистанцирование от мира, которое позволяет разрушить само собой разумеющееся, неподвижное видение этого мира и способа действия. Искусство, литература участвуют в этих переходах, поскольку они превращают изъяснительное наклонение не в более высокое изъяснительное наклонение, которому соответствует прекрасная видимость, а в допускающее вариации гибкое соединение. Проблематичными эти новшества становятся, если открытия облекаются в «мишуру», рассеиваются, как миражи, оторвавшись от предшествующей традиции; отделение необычного от повседневного принимает патологические формы, если для него нет места и времени.

Повседневность как синтезирующая рациональность. Наряду с лихорадочными, спонтанными процессами «оповседневнивания» и «преодоления повседневности» есть движение соединения, синтеза.

Если исходить из бесконечных попыток рассмотрения рациональности, то повседневность, кажется, заслуживает отрицательной оценки, как «сфера», которой недостает ясности, или даже как «сфера» полной неопределенности. В повседневности господствует смесь того, что не поддается объединению и всегда отделено одно от другого. Рассуждения о смешении, хаотичности чистых элементов или чистых сфер деятельности будет крайне проблематичным, если учесть, что упорядочивающее мнение само оказывается изменчивым, и разнообразные конкретные порядки не перекрываются общим порядком и не удерживаются основополагающим принципом. Грозный кризис распада жизни на отдельные области может быть остановлен только тогда, когда имеет место обмен мнениями и происходит перекрещивание и переплетение различных сфер, а процессы

«оповседневнивания» и «преодоления повседневности» образуют в результате соединительную смесь. Примером может служить язык повседневности, с помощью которого общаются между собой специалисты, представляющие разные области знания. Можно упомянуть и крупный город, который всегда больше, чем собрание памятников культуры. Город — это прежде всего люди разных национальностей и поколений; место, где соседствуют работа и праздник, где наглядно, со всеми деталями и подробностями «плавится» повседневность.

Кризис повседневности

Повседневность рассматривалась нами в формах воплощенной, поднимающейся и синтезирующейся рациональности. Такой способ анализа препятствует тому, чтобы сводить обыденное к повседневной жизни как особой социальной сфере. Повседневность не может заменить специфические формы деятельности и стать надежным фундаментом, на котором держится все остальное. Повседневность, понимаемая в процессах «плавления» такого рода, действует как своеобразный стержень, вокруг которого что-то зарождается. Однако он служит этой цели, лишь пока сам является подвижным. Везде, где универсальные и специальные формы мышления и действия обособляются от «имени»: homo econornicus, homo politicus, homo scientificus, homo атрофируется. Начинается обеднение и иссушение повседневной жизни.

Сегодня интерес к теме повседневности можно рассматривать как симптом возникновения вакуума, генезис которого связан с обесценивающим давлением односторонней рационализации. Возникает чувство оторванности от основных смысловых сфер жизни, символических ее пластов. Именно это чувство фиксируют социологи: распадение и разведение отдельных сфер обыденной жизни, — все, что обозначается как «кризис идентичности».

Этот вакуум проявляет себя в деструкции — от бунта против культуры до уничтожения человека, да и вообще всего живого. Бунт можно рассматривать и как попытку принудить реальность, которой угрожает разложение высокотехничной и специализированной цивилизацией. В то же время происходит ослабление силы сопротивления, которая могла бы противостоять принуждению управляемой рационализации.

Но повседневность только тогда сохраняет и даже приобретает силу сопротивления нажиму упорядоченной рационализации, когда сама становится чем-то большим, чем просто повседневная жизнь, т.е. когда она сама себя превосходит. Это превосходство над собой возможно, пока повседневное сохраняет свою оборотную сторону — внеповседневное. Обратная сторона не означает чего-то целого или более высокого. Это изменчивое, переливающееся иное, которое нельзя подчинить даже с помощью экспертов практического или технического разума.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, [1], где анализируется значение «здорового смысла» в философских системах античности, средневековья и т.д.

² При таком родстве, однако, и символический интеракционизм, и этнометодология выступают как два самостоятельных метода, каждый из которых решает свою конкретную задачу в рамках феноменологических исследований [2].

³ Вообще эта техника довольно успешно используется при изучении стереотипов. Например, В. Агеев разделяет механизм стереотипизации и содержательную «наполненность» стереотипа; последнее, с его точки зрения, наиболее важный момент в исследовании стереотипа [13]. Г. Таджфел — один из виднейших представителей современной социальной психологии, анализируя социальный миф (стереотип), формирующийся в процессе межгруппового взаимодействия, прямо заявляет, что «власть и статус различных групп имеют важное значение как источник формирования социального мифа, его содержания и основных характеристик» [14].

⁴ Слово «логика» заключено в кавычки намеренно, так как применительно к повседневности правильнее употреблять «алогичность», «металогичность». Здесь, однако, необходимо подчеркнуть хотя и специфическую, но все же логичность, свойственную повседневности

⁵Особенно интересно в этом плане исследование Фернана Броделя, задача которого — выявить ходы «лабиринта» повседневности.

⁶Изменение мирового порядка, его «горизонтальность», в противоположность «вертикальности» предшествующих эпох, отмечена М.М. Бахтиным [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Пукшанский БЛ. Обыденное знание. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 9—18.
2. Bogdan R., Taylor S. Introduction to qtitalitation research methods: A phenomenological approach to the social sciences. N.Y.: Wiley, 1975. P. 84—85.
3. Introduction to the sociology of every-day life / Douglass J. (ed.). Boston, 1980.
4. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопр. философия. 1991. № 2. С. 61—120.
5. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1983: С. 72—130.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, и капитализм. М.: Прогресс, 1986—1992. Т. 1, 2.
7. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М.:Худож. лит., 1990.
8. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник, 1984— 1985. М., 1986. С. 80—160.
9. Поритев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М.: Наука, 1964.
10. Поритев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966.
11. Барг М.А. Народные низы в английской революции XVII в, (Движение и идеология «истинных левеллеров»). М.: Наука, 1967.
12. Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М.: Мысль, 1991.
13. Общение и оптимизация совместной деятельности. М: Изд-во МГУ, 1987. С. 181.
14. Tajfel H. Intergroup relation, social myth and justice, and social psychology // The social dimation. Cambridge, 1984. Vol. 2. P. 699.
15. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. М.: Наука, 1991. С. 120.
16. Декарт Р. Избранные произведения. М: Мысль, 1959. С. 255—256.
17. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия //Вопр. философии. 1986. № 3. С. 109.